

Чжоу Сяюй машинально погладил голову малыша. Почему он так сразу обнял его? Осмотрев зал, Чжоу Сяюй сразу понял, в чем дело. Он поднял лицо малыша ладонями и увидел, что глаза покраснели. Сердце его сжалось от жалости к ребенку. Он был рад, что тогда решил остаться.

— Все в порядке, смотри, я здесь, и всегда буду с тобой. Когда ты вырастешь и добьешься успеха, я смогу наслаждаться жизнью! — тихо сказал Чжоу Сяюй.

В аптеке было много людей, ожидающих приема. Стоны боли, голоса тревожных родственников смешивались в воздухе, и это, несомненно, задело Чжоу Нинъюаня. Ведь не так давно его единственный брат чуть не ушел от него.

Оставить его одного здесь было ошибкой. Этот малыш, должно быть, все это время чувствовал себя неуверенно. Сегодня он действительно не подумал об этом.

Услышав слова Чжоу Сяюя, Чжоу Нинъюань почувствовал себя лучше. Он потерся головой о талию брата, хотя и неохотно отпустил его.

Он уже вырос, и так обнимать старшего брата за талию было не совсем уместно.

— Старший брат, я просто немного растерялся.

Чжоу Сяюй погладил напряженное лицо малыша. Этот ребенок заставлял себя взрослеть, и это было больно видеть.

— Ты все еще ребенок, и можешь думать все, что хочешь. Сегодня я тоже был не прав, оставив тебя здесь. Посмотри, что я заказал для тебя. Тебе нравится?

Чжоу Сяюй достал волчок и положил его в руки малыша.

Чжоу Нинъюань посмотрел на предмет, который никогда раньше не видел. Он был гладким на ощупь.

— Что это?

— Это волчок. Его нужно раскручивать с помощью кнута. Когда мы вернемся домой, я сделаю тебе кнут, и мы будем играть вместе! Пока просто держи его. Когда я навещу Сяо Му и остальных, мы с тобой и Чжу Дачжуаном вернемся в деревню.

Чжоу Сяюй обнял малыша и посмотрел на вход. Чжу Дачжуан и Лу Чжи все еще не появлялись. Наверное, они снова спорили на улице.

Он не знал, что делать с этими двумя. Они впервые встретились, и, если уж не сошлись характерами, то зачем так враждовать? Это было странно.

— Почему я не вижу Чжу Дачжуана? Он сказал, что пошел за тобой, — спросил Чжоу Нинъюань, но не упомянул о Сяо Му. Тот человек, которого они нашли, был сильно ранен в ногу. Он не хотел, чтобы старший брат шел туда. А вдруг он испугается?

— Чжу Дачжуан? Наверное, все еще у входа. Не обращай на него внимания. Ты знаешь, где Сяо Му? Я слышал от Чжу Дачжуана, что Юй Цзылинь ранен. Нам нужно его проведать.

Чжоу Сяюй догадывался, что Юй Цзылинь был серьезно ранен. Малыш и Чжу Дачжуан не говорили о ране, наверное, чтобы не напугать его.

Для них он, видимо, был хрупким, как стекло, и его нужно было оберегать. Если бы они узнали, что он может рубить людей кухонным ножом, они бы, наверное, очень удивились.

Посмотрев на малыша, который выглядел таким послушным, он решил продолжать притворяться. Если бы малыш узнал, что его добрый старший брат может быть таким жестоким, он бы очень расстроился и, наверное, винил бы себя.

Чжоу Нинъюань, услышав, что старший брат хочет навестить Сяо Му, не хотел этого, но знал, что не может возразить. Юй Цзылинь был серьезно ранен, и причина ранения, скорее всего, была не такой, как он сказал. Хотя он был ребенком, он чувствовал, что что-то не так.

Наверное, Сяо Му и Юй Цзылинь были в беде. Он не хотел, чтобы старший брат вмешивался. Если бы что-то случилось, он бы ничего не мог сделать, как и раньше, когда сидел рядом с братом, ожидая его смерти... Эта мысль вызывала у него сильную боль.

Когда он станет сильнее и сможет защитить старшего брата, тот сможет делать все, что захочет. Но пока что это невозможно...

— Почему молчишь? — Чжоу Сяоюй ждал, но малыш ничего не говорил. Он хотел пойти и проведать Сяо Му и Юй Цзылиня.

Почему малыш молчит? Аптека была не маленькой, и найти их было бы непросто.

Чжоу Нинъюань хотел промолчать, но понимал, что это не выход.

— Старший брат, я знаю, где Сяо Му и тот Юй Цзылинь...

Но он не хотел говорить...

— Если знаешь, отведи меня к ним. После этого мы вернемся домой. Мы уже тут почти полдня, ты не голоден? — Чжоу Сяоюй заметил, что малыш выглядел немного скованно, но не мог понять почему. Казалось, он не хотел, чтобы он шел к Сяо Му и Юй Цзылиню.

Если он боится, что рана пугает его, то, наверное, она уже обработана, и ничего страшного...

— Не очень голоден, мясо на вертеле очень сытное! — Чжоу Нинъюань, говоря о мясе, непроизвольно сглотнул. Оно было таким вкусным.

— Правда вкусно? Когда вернемся домой, я еще приготовлю. Завтра на большой ярмарке куплю специи, и получится еще лучше.

Чжоу Сяоюй смотрел на малыша, который так любил мясо, и находил это милым. На ярмарке, наверное, можно будет найти перец, сычуаньский перец, бадьян и другие специи.

— Да, жду!

Чжоу Нинъюань помнил, что старший брат говорил о том, чтобы отвести его к учителю завтра, но он также собирался на ярмарку. Он очень беспокоился и хотел уговорить брата взять его с собой.

— Как только речь заходит о еде, ты сразу оживаешь, и хмурый вид исчезает! — Чжоу Сяоюй провел пальцем по лбу малыша, разглаживая морщинки. У такого маленького ребенка было слишком много забот.

— Правда?

Чжоу Нинъюань потрогал свой лоб. Он не хотел, чтобы старший брат заметил его беспокойство.

— Я вижу, ты не хочешь вести меня к Сяо Му. Есть причина? Расскажи мне, мы братья, самые близкие люди. Нет ничего, чего мы не могли бы обсудить! — Чжоу Сяоюй пытался успокоить малыша. У того всегда были свои мысли, и если настаивать, это только добавит ему переживаний.

Слишком много забот у младшего брата — это тоже нехорошо.

Хотя Чжоу Сяоюй так сказал, Чжоу Нинъюань все еще не хотел говорить. Он боялся, что его единственный брат посчитает его бессердечным. Он знал, что его мысли сейчас не самые лучшие.

— Старший брат, Юй Цзылинь сильно ранен, у него большая рана на ноге. Он сказал, что упал, но мне кажется, это не так... — Чжоу Нинъюань немного запнулся, боясь нечаянно выдать свои истинные мысли. Если старший брат узнает, он, наверное, разочаруется.

— Не так? Не сам упал? Нинъюань, если он не сам упал, это не наше дело. Юй Цзылинь просто хочет, чтобы Сяо Му не волновался... Люди, особенно близкие, часто скрывают что-то, думая, что это для блага другого... Но такие секреты в конечном итоге только приносят вред... Лучше либо не скрывать, либо не оставлять ни малейшего следа. Понимаешь, Нинъюань?

Чжоу Сяоюй не знал, насколько глубоко он говорит, но, столкнувшись с этой ситуацией, решил объяснить.

Соккрытие правды, даже из любви, — это всегда вред. Если уж скрывать, то так, чтобы не осталось ни малейшего следа.

Он сказал это, чтобы малыш в будущем не скрывал от него ничего, особенно учитывая, что у него уже проявлялись черты мужчины, который хочет все контролировать.

Чжоу Нинъюань почувствовал, как спина покрылась потом. Он думал, что старший брат догадался о чем-то, но, услышав эти слова, успокоился. Он подумал над словами брата и сказал:

— Старший брат, ты имеешь в виду, что если что-то случится, нельзя скрывать от близких. Если уж скрывать, то так, чтобы не осталось ни малейшего следа. То есть, нельзя лгать, верно?

Чжоу Сяоюй не ожидал, что малыш так точно все поймет. Это действительно его брат, с высоким умом и сообразительностью.

— Именно это я и хотел сказать. Не лги легко!

Сказав это, Чжоу Сяоюй почувствовал легкую вину. Ведь он сам был большой ложью, и в будущем ему придется быть осторожным, чтобы не раскрыться.

— Старший брат, я понимаю. Я никогда не буду тебе лгать! — серьезно сказал Чжоу Нинъюань.

Он точно не будет обманывать старшего брата. Если уж скрывать, то так, чтобы не осталось ни малейшего следа. Его собственные мысли, если он не говорит о них, не считаются обманом,

верно?

— Глупый мальчик! — Чжоу Сяоюй погладил голову малыша.

Он сам был большой ложью, и ему суждено было никогда не раскрывать этого.

Много спустя Чжоу Сяоюй не раз благодарил судьбу за этот разговор, который помог избежать трагедии.

<http://bllate.org/book/16681/1531026>